

1971

● Книжное обозрение № 2 ● 11 ●

ПРАВДА ЖИЗНИ

Только что прочел «Шестую ночь» Петра Проскурина, изданную недавно «Советским писателем». Несколькими раньше с удовольствием познакомился с книгой рассказов писателя «Снова дома».

Пересказывать прочитанное не берусь. А вот какие раздумья и чувства вызывают проскуринские вещи — хочется поделиться. И рассказы, и короткая повесть «Шестая ночь» не похожи на обычные литературные произведения. Уж слишком просты и верны они, как проста и верна сама правда жизни.

А что такое жизнь? Чем и как мерить ее? На самом деле, ради чего родится человек? Может быть, для того, чтобы вкусно поест, сладко попить, оставить потомство и помереть? Но ведь смерть бывает разной, даже бессмертной. А любовь? Любовь, говорят, тоже бывает разной, пятиминутной и вечной. Ну, а смысл жизни — в чем он? В назначении высоким, дерзаниях смелых, творениях славных или в самом обыкновенном, простом и точном исполнении человеческого долга в любых обстоятельствах?..

Этих вопросов не задают себе многие герои сборника «Шестая ночь» и книжки «Снова дома», но они возникают невольно, когда перед читающим встают образы бойцов бранного и мирного поля: молодых партизан Славки Кириллова и Веры Кузиной («Зеленый шум»), четырнадцатилетнего Захара, спасающего раненого немца («Снова дома»), израненного полковника Никонова («Вечерняя за-

ря»), писателя Юреньева, болеющего за то, чтобы, строя новое, мы не загубили старую русскую культуру, которая была и остается стартовой площадкой для выхода на более высокую орбиту и друга Юреньева — бесстрашного бойца, честнейшего человека и заботливого воспитателя Екатерины Ивановны («Шестая ночь»).

К разным поколениям относятся эти люди, но как едины они по духу! Ясность мысли и красота чувств впитаны ими как бы с материнским молоком, с добрым отцовским советом. Истоки их мужества, любви и ненависти берут свое начало в родной природе и природе нашего образа жизни. Да, таких людей не сломишь, не подкупишь и не убьешь! Это они спасли мир в Европе и во всем мире. Это они сегодня делают жизнь лучше и чище.

«...Через час партизанам пришлось схватиться с эсэсовцами врукопашную, и она шла вместе со всеми, с непокрытой головой, маленькая, стремительная и страшная, и после короткого, нечеловеческого боя ей кто-то сказал, что женщины не имеют права быть такими. Она не смогла ответить. И не потому, что ей было нечего сказать, она просто не нашла в себе сил хотя бы разжать запекшиеся губы. Она только откинулась на спину, на ту самую землю, в которой пробуждаются чудесные силы зерна, и прикрыла глаза ладонью, и потрясенно заплакала. Потом по короткой отрывистой команде она встала и вместе со всеми пошла дальше.

Да, ее звали Верой, но чаще все-

Размышления над книгами Петра Проскурина

го по фамилии — Кузиной». Сильно и верно удалось автору показать острое и нежное чувство Веры к своему молодому лесному богу — Славке Кириллову. Говорят, что все истинно талантливое просто, но, очевидно, такой простотой владеет только тот, в чьей душе светится «искра божья», то есть поэтическое начало.

«Она... с замершим сердцем замолчала, и обняла его, и время оборвалось, остановилось, и все остановилось, и потом она уже хотела открыть глаза и не смогла, и когда наконец открыла их и, все чаще находясь где-то там, в шелесте листьев над собой, или в сверкающем небе, или рассеянная в этом пьяном запахе цветения, долго джала не шевелясь, лишь время от времени беря его руку, и целуя ее в ладонь, и так же тихо и бережно опуская ее себе на грудь, и думая по-прежнему о лесном боге, который был рядом и почему-то не уходил, и она была этому рада».

Такая любовь тронет сердце даже того, кого уже ничто на свете не трогает. Она поднимет в атаку и мертвых и заставит их победить.

И как контраст — другая любовь, любовь Наташи из «Шестой ночи» (да и ее ли одной), полюбившей другого «бога», Владислава Кондратьева, для которого квартира, свобода, рыбка и кизилловое варенье, хотя и добытые «своим горбом», выше любви молодой девушки. Жаль и мать Наташи, Екатерину Ивановну, не сумевшую ни убедить до конца свою дочь в том, что она влюблена в мещанина, ни осадить самого себялюбца. Да, оса-

дить так, как это сделал с совхозным царьком-жеребчиком Сапруновым Николай Матвеевич Никонов:

«Кто-то должен быть первым, — думал он про себя, — нужно начинать бить подлецов...». Он шел прямо во мрак, где высоко над землей белело лицо Сапрунова. «Я прополз за тебя до Вислы и иду тебя бить...».

Вот после такого отпора задумался бы, наверное, как «жить-быть», не только Сапрунов, человек плохой, но слывающий пока хорошим руководителем, но и Кондратьев, которого бытовщина потихоньку затащила в мещанскую паутину, и газетный «теоретик» Фомичев, боящийся упустить момент и оказаться в обозе, ибо нюх его чует только то, что «на первый план интеллигенция выходит».

Когда же Фомичеву разъясняют, что любой сдвиг духовного прогресса непременно обусловлен состоянием всего народа, что невозможно отделить интеллигенцию от рабочего или крестьянина, ибо духовная жизнь продукт совокупный, — горе-теоретик продолжает настаивать на своем. И на острый вопрос — «не боитесь ли вы напутать своей теорией?» — Фомичев заявляет:

— Я не боюсь...

Это уже мещанин воинствующий!

Заканчивается повесть «Шестая ночь» картиной общения молодых и старых тружеников с природой. Чудесная символическая картина! В тесной спаянности всех поколений — наша сила. И эта сила выдерживала и выдержит любые испытания. В этом народ наш и видит цель и смысл своей жизни — жизни огромных свершений и мировых побед.

Каждая книга хорошего автора делает ее читателя намного сильнее. Именно это чувство испытал я, закрывая книги Петра Проскурина.

Валентин МАЛЫШЕВ.